

3. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. 1992. № 1-2. С. 217-225.
4. Нечаев В. Д. Региональные политические системы в постсоветской России // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 80-96.
5. Рыжков В. А. Странная федерация: проблемы и перспективы развития федерализма в России // Полития. 1999-2000. № 4. С. 79-101.
6. Коргунюк Ю. Г. Избирательная кампания 1999 г. и перспективы развития российской многопартийности // Полития. 1999-2000. № 4. С. 5-22.
7. Петров Н. Федерализм по-русски // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 7-33.
8. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 1997. 301 с.
9. Галкин А. А. Динамика политических предпочтений в российском избирательном корпусе // Россия в условиях трансформаций: Вестник фонда развития политического центра. М., 2000. Вып. 4. С. 47-56.
10. Зубков В. И., Федякин А. В. Чем рискует российский избиратель? // Социс. 2000. № 8. С. 42-47.
11. Чугров С. О региональной фрагментации российского политического сознания // МЭ и МО. 1998. № 1. С. 29-41.
12. Трейвиш А. Где на Руси жить хорошо? // Комсомольская правда. 2000. 24 ноября.

*Марина Николаевна СТЕЛЬМАШУК –
доцент кафедры международного
бизнеса и делового администрирования
Международного института финансов,
управления и бизнеса, кандидат
социологических наук*

УДК 316. 334. 2

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ ДЕТСТВА В РОССИИ: ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

АННОТАЦИЯ. На рубеже 19-20 веков акцент в изучении проблем детства ставится на оценке гуманистического идеала воспитания и развития ребенка; исследуется насилие над ребенком; анализ социальных болезней (беспризорность, нищенство); состояние здоровья детей (заболеваемость, смертность). Примечателен факт использования оригинальных методических приемов: рассматриваются детские рисунки, изучаются биографии и дневники, определяются этнографические образы детства. В этот период находят свое применение в анализе проблем детства материалы социальной статистики, разрабатываются исследовательские программы по изучению детства.

At the turn of the 19th century the assessment of humane educational ideal became a matter of utmost importance in childhood studies. Cases of child abuse, analysis of social diseases (destitution, beggary), health problems (sick rate and death-rate) were in the center of investigation. The researchers carried out their studies, making use of children's drawings, their biographies and diaries to define ethnographic patterns of childhood. This period is remarkable for the implementation of social statistics and for research programmes aimed at childhood studies.

Познание мира детства неотделимо от социального самосознания общества. На рубеже XIX–XX веков характерно формирование нового образа детства в России.

Анализ проблем детства обусловлен распространением идей гуманизма, определяющим стал интерес к внутреннему миру человека, нравственному миру личности. С одной стороны, успехи естественных наук приводят к признанию идеи развития в общественных отношениях. Изучение биологического и социального развития человека фокусирует внимание на проблемах детства, ведь именно через познание ребенка можно познать историю умственного развития человечества. С другой стороны, наряду с гуманистической ориентацией научной мысли заслуживает внимания идея прогресса, для осуществления которого необходима свободная деятельность каждого человека. Обеспечению этой цели способствует организация системы воспитания начиная с детства.

В начале XX века акцент в изучении проблем детства ставится на оценку идеалов воспитания и развития ребенка (Блонский П., 1914; Боголепов С. Г., 1910; Вырубов Г. Н., 1910; Ильин Н., 1916; Рыбников Н. А., 1916); на отношение детей к Первой мировой войне (Воронов В., 1915; Рубинштейн М. М., 1915); на насилие над детьми и преступность несовершеннолетних (Гернет М. И., 1911; 1912; Зак М. И., 1914).

В систематизированном историческом материале выделяются два переломных события в России — Первая мировая война и коммунистическая революция, повлиявшие на характер исследовательских проблем в социологии детства.

Социальная ситуация в анализе глобальной проблемы войны и детей становится доминирующей в начале века. М. М. Рубинштейн отметил главное заблуждение общественного сознания в отношении к детям: «...общество и взрослые мечтают о духовных детских дворцах тогда, когда сами они селятся и живут в грязных и разваливающихся духовных жилищах... Дети являются также сочленами общества и именно потому через тесное соприкосновение с обществом, через семью и близких приобщаются ко всем крупным тревогам и заботам, переживаемым всем обществом» [33, с. 6]. На основе личных бесед, наблюдений учителей и материалов социологического исследования по анкете И. Л. Бродского к вопросу об общественном развитии учащихся, разработанной для характеристики отношения детей к русско-японской войне и общественному движению 1905 года, фиксируется интерес к военным событиям у детей — это детские игры в войну; установлена «временная тесная связь с газетой ...на почве живых непосредственных переживаний всей страны»; основной фактор, которым определяется отношение детей к войне: среда, семья, взрослые — в заключение отмечает автор.

При анализе исторической литературы исходим из понимания того, что становление исследовательского направления связано с обобщением значительного массива эмпирической информации и сравнением конкурирующих исследовательских программ.

Работа В. Воронова является, по сути, пионерной с методологической точки зрения: анализируются рисунки детей о войне, сделана группировка их по сюжету: с одной стороны, «отражение войны на городской мирной жизни» (3, с. 43) — то, что дети видят сами ежедневно, а с другой — дети пытаются «воспроизводить военные события, совершающиеся на театрах военных действий» [3, с. 49], материал для которых черпают из военных рассказов, газетных описаний, рассказов участников войны, из журнальных иллюстраций, собственного авторского воображения. «Для большинства детей война представляется не более, не менее как шумной многолюдной игрой...» [3, с. 52]. «Надо отметить, что массовые рисовальщики весьма редко изображают те сцены войны, в которых ужас и страдание выступали бы на главный план. Ими представлена внимательно и полно яркая и живая, так сказать декоративная, сторона войны» [3, с. 53]. Важен вывод: «в рисунках на военные темы детский «графический юмор» проявился и весьма многократно и довольно ярко» [3, с. 68], имеет место «... своеобразная передача движения» [3, с. 69]. Даже отбросив в сторону возможные, но не вполне обоснованные сомнения относительно репрезентативно-

сти используемого метода, следует признать его адекватность возрастным особенностям и реальность заданной автором интерпретации.

В начале века в исследованиях детства актуальны вопросы семейного воспитания. Было признано равноправие полов в обществе, так как «до сих пор в большинстве семей интеллектуальные, моральные, эстетические требования предъявляются разные — мальчику и девочке» [52, с. 191]. Вместе с тем социальная значимость воспитания возрастает, если «моральные, эстетические требования, предъявляемые к женщине и мужчине... одинаковы...» [52, с. 192]. Целый комплекс изучаемых в то время исследовательских проблем связан с институциональным кризисом семьи. Если исходить из представления об обусловленности этого кризиса системой общественных отношений, то определенную информацию дают работы русских ученых прошлого века. М. М. Рубинштейн отмечает кризис семьи как органа воспитания, характеризует происхождение семьи и ее роль в развитии личности ребенка в историко-педагогическом аспекте; «... характерным показателем разрушения семьи, этой основной ячейки общественной жизни, служит детская беспризорность, преступность и проституция, нарастающие в ужасных размерах...» [31, с. 58]. Следует отметить, что автор выходит на уровень социального обобщения и делает вывод: в «... возникновении детских пороков, как и у взрослых, огромное значение имеет не только прямая нужда, но и соблазны современной капиталистической культуры... Недаром главным поставщиком детей-преступников являются города...» [31, с. 58-59]. В качестве причин кризисного положения детей названы: алкоголизм, жилищные проблемы, утрата духовного единства, работающие женщины. Исследование причин кризиса детства А. Коллонтай по материалам статистики представила в проблемной статье «Крест материнства», где «вопрос об обеспечении материнства и охране раннего детства относится к числу тех немногих задач социальной политики, которому удалось за последние годы заслужить повсеместно принципиальное признание» [21, с. 42]. Ввиду того «вопрос о здоровом составе армии является основным, привлекающим внимание государственной власти к вопросу страхования матерей и защиты детства, и заставляет правительства задумываться над «проблемой материнства» [21, с. 48].

Если социальная диагностика по большей мере носит междисциплинарный характер, то при оценке становления исследовательского направления на рубеже веков прежде всего подчеркнем специфические черты социологического изучения.

Первая особенность — методическое обеспечение исследований детства с помощью социологических методов анализа. В начале века разрабатывается методология эмпирического анализа, в том числе активно используется при изучении проблем детства анкетный опрос. Например, исследуя детскую игру в куклы К. Корнилов провел анкетный опрос по методике С. Холла среди учениц 7 и 8 классов Московских женских гимназий. На 13 вопросов анкеты отвечали 100 респонденток [22].

Вторая особенность заключается в формировании категориального аппарата социологии детства. В работе Н. Ильина «О воспитании общественности в школе» отмечалось, что общественность — это «... совокупность всех тех социально-психических связей, которые обуславливают человеческое общежитие и способствуют росту и укреплению общественного организма и вместе с тем обеспечивают прогресс человеческой культуры; ... включает общественные склонности, привычки и чувства в человеке, общественные идеалы и стремления, чувство общественного долга, чувство ответственности, чувство справедливости, любовь к ближнему, любовь к отечеству и т. п., общественную дисциплину, нравы и обычаи, нравственность и право, религию, все объединяющие взаимоотношения, духовное и физическое сотрудничество, взаимопомощь, широкое сознание общности интересов и общественную солидарность...» [17, с. 8-9]. Таким образом подчеркивается значение общественной жизни в процессе развития человечества. В структуре категориального аппарата

представлена и современная терминология: экономическое мышление и экономическая культура. Были обозначены исходные предпосылки становления экономического мышления: « понятие народного хозяйства, принципы разделения труда и его значение в производстве, роль кооперации, понятие капитала, прибыли, заработной платы, ценности, ренты и так далее. Необходимо изобразить ... общую картину производства, распределения и потребления экономических ресурсов» [17, с. 81] и «... изучать экономическую жизнь в ее конкретном, живом процессе, а не по мертвым страницам учебников» [17, с. 82]. Заслуживает внимания интерпретация категории экономической культуры: «Экономическая культура России находится в подавленном состоянии: отсутствие инициативы, умения, капиталов, сравнительно ничтожная производительность при огромных природных богатствах, ужасно неравномерное распределение экономических благ и государственных обязанностей, недостаточное обеспечение законом эксплуатации труда, неурегулированность отношений между рабочим и работодателем — все это результаты народного невежества в области экономических вопросов» [17, с. 84].

Третья особенность — в акцентировании исследовательского внимания на специфических проявлениях времени и отношении к ним населения. В начале века кинематограф стал основным фактором этического воспитания. В московских городских школах проводилось анкетирование, в котором респонденты отбирались среди детей выборочно: по полу, в зависимости от района проживания (центр—окраина) и уровня школы (начальная или повышенного типа). «Надлежало выяснить, главным образом, является ли кинематограф и у нас фактором воспитания подрастающих поколений. Если да, то каково его влияние и каковы взаимоотношения книги и кинематографа как духовных современных педагогических факторов» [14, с. 279]. По результатам опроса было получено 1482 письменных ответа на четыре вопроса, сравнивались книга и кинематограф, представлена характеристика любимых книг. Социальное влияние фиксирует следующее: «Если кинематограф, в современной его постановке, является фактором, вредно влияющим на юный интеллект, фактором детской испорченности и преступности, надо найти пути борьбы с этим фактором» [14, с. 279]. Выделим аспекты влияния кинематографа на детскую жизнь. Первый связан с ростом детской преступности: «масса детских преступлений и поступков, вроде кражи и попрошайничества, совершается теперь очень часто для того, чтобы попасть в электрический театр» [14, с. 289]. Второй — с воздействием на нравственность: «...но кинематограф страшен не только тем, что устремление в него сплошь и рядом покупается ценою преступления, он страшен, помимо того, сам по себе, как фактор крайне вредно влияющий на неустойчивую детскую психику...мы так же, как и наши западные соседи, стоим перед проблемой борьбы за детей с современным кинематографом» [14, с. 293]. Третий аспект выделяет необходимость специального детского кино: «для детей должны быть созданы специальные кинематографы со строго выдержанной живой программой, с изящной, серьезной и простой музыкой» [14, с. 295].

Четвертая особенность становления социологии детства в рассматриваемый период состоит в поиске оснований для практического применения социологии. В первую очередь — для педагогики. Л. Синицкий считал: «Совершенно очевидно, что воспитатель не может обойтись без... социологии... желая дать нравственное воспитание, воспитатель должен непременно знать, какие идеи являются важнейшими для поддержания жизни и развития общества, воспроизведению которого он должен способствовать» [46, с. 26]. Следовательно, «социологическая точка зрения очень часто явится для учителя руководящей в постановке преподавания. Выбор материала, изучаемого в школе, должен определяться последующей жизнью и деятельностью человека, всегда обусловленной социалью» [46, с. 27]. По мнению Л. Синицкого, следует иметь в виду, что «социологической точкой зрения, наконец, определяется и вся

организация школьного дела. Законом социальной организации является, с одной стороны, разделение труда, требующее различной предварительной подготовки, с другой — необходимым условием процветания общества является единство его. Настоятельным социологическим требованием является поэтому то, чтобы элементарное, необходимое для всех классов общества образование давалось в единой школе, другими словами, чтобы народная школа действительно была общей для всего народа» [46, с. 28]. Поэтому «воспитание, как воспроизводящее продолжение общества, должно дать новым поколениям: 1) социальную волю, определяемую идеями, и 2) познания старых поколений, лежащие в основе идей и техники. Первое — воспитание в узком смысле слова, второе — обучение. Воля стоит в более близком отношении к современной социальной среде, чем познание» [46, с. 28]. Конечно, «последняя в значительной степени независима от настоящего, представляя результат преемственной работы многих поколений. Поскольку знания соответствуют выработке идей, они принадлежат области социологии, но в своей теоретической части они не связаны, как воля, данным настоящим; наоборот, они обогащаются традицией, часто идущей из отдаленного прошлого» [46, с. 29], — продолжает рассуждения автор, — «предлагаемая точка зрения постоянно подчеркивает значение воспитательно действующей среды. Но разве одна среда является действительно воспитывающим фактором? Разве данный деятель, данный человек сами по себе ничего не значат? ... А если да, то разве и они не имеют такого же права на внимание историка педагогики, как и социальная среда. Конечно, имеют, и в истории педагогики мы должны говорить не только об обстановке, влияющей на формирование идей, но и об идеях отдельных людей. И предлагаемое понимание социологии вовсе не исключает такого изображения. Наоборот, оно требует его. Социология, понимаемая как история нарастающего сознания коллективной воли, непременно отведет место отдельному человеку, потому что только он, отдельная личность, и является носителем сознания» [46, с. 29].

В зарубежной науке сходные идеи высказывал Поль Барт в «Истории воспитания в социологическом освещении» (1911): «Характер педагогических идей определяется господствующими в обществе социологическими воззрениями, а социологическим воззрением, царившим в начале 19 века, был политический и одновременно экономический либерализм» [47, с. 63].

Примером, иллюстрирующим влияние социальной среды, являются «Школьные воспоминания» Г. И. Вырубова, начавшего свое образование в Александровском лицее, а продолжившего его в Московском университете. Автор дал оценку школьного образования в России и сравнил его с западным, охарактеризовав структуру учебных программ, специфику лекторского научного труда. По мнению Г. И. Вырубова, проблема системы российского образования — дилетантизм в науке. Примечателен факт автобиографического описания, характерный для исследований в прошлом веке [7].

Пятая особенность связана с интерпретацией общественных идей, исходящей из теоретических перспектив социологии, таких как позитивизм. Социологическая точка зрения на образование нашла свое отражение в характеристике взглядов позитивизма на воспитание [1]. «Позитивизм также уделял много внимания воспитанию. Педагогические цели воодушевляют. Речь — о духе позитивизма творца курса позитивной философии Огюста Конта, о позитивизме в целом и синтетической картине будущности человечества. Исходя из закона трех состояний, по которому человечество в своем духовном развитии прошло две фазы (фетишизм — детство человечества, когда оно одушевляло природу, и метафизика, характеризующаяся распадом предшествующего теологического периода) и ныне вступает в третью фазу позитивизма, Конт устанавливает соответствие между социальным развитием культуры и умственным развитием индивидуума. Позитивизм не имел ничего общего с метафизикой, в фетишизме находит своего предшественника. Отсюда делается вывод, что воспита-

ние должно распасться на два периода: период свободного, или материнского, воспитания и период общественного воспитания. Материнское воспитание, воспроизводящее фазу фетишизма юного человечества, должно тщательно щадить свободное развитие фетишистического мирозерцания ребенка. Особенно в первой его стадии до 7 лет, в течение же второй половины детства (7-14 лет) воспитание ведется посредством эстетики, подготовляющей к науке развитием наблюдательности. С 14 лет начинается общественное воспитание, приобщающее ребенка к позитивной науке и состоящее из изучения начатков философии и шести основных наук, в порядке возрастающей сложности, начиная с математики и кончая социологией. Идея соответствия развития индивидуального и социального и закон сокращенного воспроизведения в воспитании становятся все больше и больше популярными...» [1, с. 6] Здесь дано представление о стадиях развития личности ребенка в связи со стадиями развития общественного мышления О. Конта, известного как закон трех стадий.

Шестая особенность связана с попыткой сравнения русскими учеными материалов зарубежных социологических исследований. Социальное чувство, общественный круг — понятия, с помощью которых определяется влияние социальной среды на развитие личности ребенка: «В данное время каждый живет в мире, в значительной степени проникнутом общественными тенденциями, и этот мир начинает влиять на ребенка с момента его появления на свет» [42, с. 129]. Далее Л. Седов отмечает: «Влияние общественной жизни, данного определенного общества со всеми его конкретными учреждениями в частности и того тесного общественного круга, в котором приходится постоянно общаться, в особенности должно быть поставлено на первом месте; личное влияние людей, непосредственно сталкивающихся с ребенком, на втором. ... В результате всех этих сложных условий и складываются нравственные и правовые взгляды детей. Во взглядах этих нетрудно бывает выделить то, что нужно отнести за счет общественного и личного влияния и что на счет индивидуальности ребенка. ... Сперва мы остановимся на тех социальных идеях детей, которые слагаются под влиянием широкой общественной среды, в смысле всей жизненной обстановки вообще, а затем на тех, которые возникают под влиянием наиболее тесного общественного круга, в котором живет ребенок» [42, с. 130]. Проанализировав большой массив социологических исследований, проведенных за рубежом, Л. Седов выделил основные особенности опросов детей от 8 до 16 лет. Так, в Америке и Англии было заполнено 2336 и 2100 анкет соответственно при изучении детских идеалов, зафиксированы отличия по возрасту, полу, стране проживания. В американском опросе (1755 анкет) получена информация о различии в выборе профессии по социальному положению, когда детей спрашивали: «Кем хотели бы вы быть, когда станете большими и почему?» Другим направлением исследований явилось определение склонности и способности к устройству различных союзов и обществ, организующих деятельность американских детей (2906 школьников из 5 штатов). Следует отметить, что наряду с анкетированием применялся метод анализа ситуаций (опрошено 2972 человека от 7 до 16 лет). «Исследования Монрое, Барнеса и других могут считаться, конечно, лишь первыми шагами в деле исследования этических и правовых воззрений детей и условий образования этих воззрений. Но и те результаты, которые удалось добыть уже теперь, представляют большой интерес. При всех индивидуальных отличиях детей (влияние пола сказывается с очевидной ясностью), на их воззрениях несомненно лежит отпечаток влияния общественной среды как в широком, так и в тесном смысле этого слова (и всего общества, и товарищеского кружка). Многие воззрения складывались вопреки тому, что внушалось учителем и родителем. Их влияние казалось более мимолетным, чем упорное влияние всей окружающей обстановки. А большею частью между сознательным личным влиянием и влиянием стихийно слагающейся обстановки не существует никакой гармонии. Да и не может быть ее между стихийными и сознательными факторами. Гармония и единство всех

воспитательных воздействий будут достигнуты лишь тогда, когда вся окружающая обстановка будет складываться не стихийно, а явится результатом планомерной работы общества» [42, с. 152] Следует заметить, что в эволюции взглядов Л. Седова влияние общества на воспитание только усиливается: «существенным условием общественного прогресса является надлежащая организация воспитания, воспитания общественного. Социальное воспитание должно захватить человека с юных лет, пробуждая и развивая в нем общественное умонастроение, научая его видеть единственную достойную человека цель в работе для общества» [41, с. 40]. «Но социальное воспитание должно не только развить активную преданность целому, приучить к работе для него, но — и это особенно важно — приучить к совместному труду для великих культурных задач» [41, с. 41].

Седьмая особенность состоит в том, что в начале века исследования проводились по программам, в разработке которых принимали участие коллективы ученых. В 1909-1910 годах в Московском государственном университете проходил семинар по изучению детской преступности. Для того чтобы выяснить юридическую и социологическую сторону вопроса об условиях жизни, толкнувших ребенка на путь преступления, было опрошено с помощью анкеты 2540 человек до 17 лет. На основании полученных данных выделены три группы детей-преступников: случайные, в силу дурной наследственности и под влиянием окружающей среды. Важнейшим социально-экономическим фактором, определяющим детскую преступность, являются условия жизни [9]. Впервые в программе исследования личности в ее отношении к среде (опубликована в 1912 году в жур. «Русская школа») определены разделы, рассматривающие общее отношение к социальной группе, отношение к государству, к труду и материальному обеспечению и собственности: «Задача настоящей программы заключается именно в том, чтобы составить систематический перечень важнейших обнаружений человеческой психики со стороны ее отношения к среде или, другими словами, дать план исследования экзопсихических проявлений личности» [24, с. 2]. Следовательно, «можно подобрать ряд простых и сложных проявлений, свидетельствующих о большем или меньшем развитии у данной личности тех или иных психофизиологических элементов, а также о способе их взаимного соединения. Такого рода проявления мы будем называть эндопсихическими, так как они выражают внутреннюю взаимозависимость психических элементов и функций, как бы внутренний механизм характера личности» [24, с. 1]. Экзопсихических элементов «содержание ... определяется отношением личности к внешним объектам, среде, причем понятие «среды» или «объектов» берется в самом широком смысле, в котором оно объемлет сферу того, что противостоит личности и к чему личность может так или иначе относиться: сюда входит и природа, и материальные вещи, и иные люди, и социальные группы, и духовные блага — наука, искусство, религия — и даже душевная жизнь самого человека, поскольку последняя тоже может быть объектом известного отношения со стороны личности. Очевидно, что индивидуальность человека определяется не только своеобразием внутренних психических функций, вроде особенностей его памяти, воображения, внимания и тому подобное, но в не меньшей мере и его отношением к окружающим его явлениям, тем, как каждый человек реагирует на те или иные объекты, что он любит и ненавидит, чем интересуется, и к чему равнодушен, то есть, согласно нашей терминологии, его экзопсихические проявления» (24, с. 2). В программе определена методология изучения общественного сознания, включающая следующие характеристики: наличие или отсутствие общественного сознания, степень его интенсивности, формы общественного сознания, степень сознательности и устойчивости общественного сознания, а также широта общественных интересов. «В отношении каждого человека к любой категории явлений можно различать следующие четыре стороны: наличие или отсутствие определенного

отношения к данной категории явлений и степень его интенсивности; специфические формы, качественные особенности интереса, широта или объем его» [24. С. 4]. В оценке экономических отношений предлагается рассматривать наличие или отсутствие потребности в труде, степень ее интенсивности, интерес к различным родам деятельности, отношение к другим людям на почве экономической деятельности, объем потребности в труде. Отношение к материальному обеспечению и собственности определяется через доход, интерес к богатству и способность достижения богатства и материальной обеспеченности. В программе отношение к собственности рассматривается через наличие или отсутствие интереса, через формы интереса, сознательность и широту.

Восьмое отличие связано с использованием методологического инструментария работ зарубежных ученых, к примеру, классической работы Эмиля Дюркгейма «Самоубийство», на базе которой получило дальнейшее свое развитие направление социологического и сравнительно-юридического исследования детоубийств [8]. «Убийство ребенка заносится в число преступных деяний позднее многих других преступлений против жизни. Оно очень распространено у других народов, стоящих на низших ступенях культуры и не вызывает у них ни нравственного, ни юридического осуждения» [8, с. 1]. В работе М. И. Гернета представлен не только исторический очерк детоубийств у разных народов, но и дана статистика детоубийства, определены факторы детоубийства и основания проблемы в современном законодательстве. По мнению автора, факторы детоубийства классифицированы по пяти группам, в числе которых особенности детоубийцы (по учению уголовно-антропологической школы), брак и детоубийство, влияние экономических факторов, особенности детоубийства в городе и деревне, зависимость от возраста детей. Материалы исследования обусловили вывод: «Порождаемое социальными причинами преступление слишком крепко вросло в общественный организм. Сколько-нибудь значительная победа над ним будет достигнута лишь победой над порождающими его условиями» [8, с. 275]. В работе М. М. Ковалевского рассмотрены причины детоубийств. Убийство новорожденных — распространенное явление у древних народов: «...убийства девочек были случайными явлениями, вызываемыми временной недостаточей средств к жизни» [20, с. 111]. Истолкованные в таком свете этнографические свидетельства об убийстве новорожденных вполне согласуются с теми, какие дошли до нас из истории классических народов древности — спартанцев и римлян.

Заслуживает внимания исследование типов детской беспризорности, преступности и проституции [13]. «Среди детей-преступников можно встретить те же категории, которые встречаются среди взрослых. Здесь можно встретить и «прирожденных» преступников, с дурной наследственностью и явными дефектами в психической организации, и привычных преступников, вполне здоровых физически и нравственно, но уже втянувшихся в стихию преступления, и случайных преступников. Разница лишь в количестве взаимоотношений этих групп. Случайные преступники встречаются среди детей конечно чаще, чем среди взрослых» [13, № 7, с. 73]. В детстве закладываются фундаментальные отношения человека ко всему миру. И впечатления детства в очень большой степени зависят от семьи, в которой ребенок вырастает. В этом смысле безусловно прав Діх, считающий семью «важнейшим основанием всей социальной среды» [13, № 8, с. 92]. Рассматривая материалы Московского детского суда, Л. И. Зак сделал вывод: «Дети, как нежные цветы, украшают землю. И даже тогда, когда грубою силою нужды или семейного распада они смяты или брошены в грязь, даже тогда, когда на разорванных лепестках их зловеще краснеют лепестки крови, они все же полны милой, трогательной души прелести. Много любви надо, чтобы согреть озябшие детские сердца. Много общественного внимания и сочувствия, что-

бы заглазить нашу вину перед ними. Ведь изо дня в день они гибнут в наших глазах, и так незначительно то, что мы сделали для них до сих пор...» [13, № 8, с. 110].

Следует отметить, что кризис детства и отражающие его социальные проблемы, обусловили постановку вопроса об организации социальной защиты детства. Цель книги иеромонаха Михаила — «показать как живут эти дети (то есть обиженные)... заставить вас пожалеть их» [18, с. 3]. Примечателен тот факт, что эпиграфом к книге послужили слова Жюля Симона: «Спаси ребенка — великое патриотическое дело. Это значит оказать государству двойную услугу: избавить его от врага и дать друга», ведь подкидыши по социальному положению являются детьми разных слоев общества. В качестве основных мер, ведущих к сокращению детской смертности Федор Озерский предлагает гигиенические, среди которых немаловажную роль играет подбор специальных нянек из числа «лучших старух» [11].

Девятая особенность в социологическом исследовании детства состоит в обращении к восприятию общественной жизни детьми, когда ценности фиксируются в результате специальных социологических исследований. Для изучения идеалов городских школьников через городскую училищную комиссию было распространено 1254 бланка, обработано 1074, среди которых 446 заполнены мальчиками, 628 — девочками в возрасте от 7 до 15 лет. Вывод: идеалы «...отличаются большей узостью и однообразием, что выражается в сильном преобладании «местных» идеалов над историко-литературными и эстетическими, а также в повторении одних и тех же имен в группе историко-литературных идеалов» [37, с. 108]. К. Сивков приводит результаты анкетирования 15 учебных заведений в Тифлисе: было получено 1615 ответов 937 девочек и 698 мальчиков. Ответ на вопрос «На кого желали бы быть более всего похожим из числа тех лиц, которых видели сами или о которых вы слышали и читали?» ... По данным анкеты, молодежь характеризуется преимущественно положительными чертами, что и дает право сделать утешительный вывод относительно ее, а вместе с тем и нашего будущего» [38, с. 158].

В 1912-1913 годах проводилось исследование, в котором содержатся ответы гимназисток на анкету об идеалах. На 12 вопросов были получено 5083 анкетных листа. «Огромное большинство опрошенных... пожелали быть учительницами» [36, с. 6]. «В младших классах было предложено дать ответы с помощью рисунка... типичные образцы «графических идеалов» [36, с. 12]. «Следующей профессией, собравшей после учительства среди гимназисток наибольшее число голосов, является профессия доктора» [36, с. 22]. Указания на другие свободные профессии встречаются реже (артистка, художница, писательница, певица, музыкант, агроном). То есть «жизнь конкретизировала лицо интеллигентной труженицы» [36, с. 20]. Есть высшее женское образование в России; развивается сеть региональных высших учебных заведений. Среди женщин существуют политические и экономические общественные организации. «Фиксируются мотивы выбора от нравственных (желание принести пользу, оказать помощь, интерес к намеченной работе, желание нести просвещение в темную крестьянскую среду, саморазвитие) к экономическим (желание оказать помощь родным своим заработком на кусок хлеба, необходимое пропитание, выгода...)» [36, с. 45-46]. «Приведенные цифры говорят о заметной разнице мотивов, приводимых ученицами разных классов. Так, у младших гимназисток чаще встречаются не совсем определенные ответы... на их выбор сильнее влияют желание родителей, соображения материального характера и т. д. ... в ответах старших заметна большая определенность, сильнее выдвигаются мотивы идеального, но преимущественно альтруистического характера» [36, с. 46], «...ответы большинства гимназисток говорят о преобладании среди них общественно-трудовых идеалов» [36, с. 46]. «Но если с качественной стороны идеалы современных гимназисток стоят довольно высоко, то все же анкета Педагогического музея вскрыла один существенный дефект: не знают кончающие школу тех средств, тех путей, с помощью которых можно было бы реа-

лизовать свои, порой очень возвышенные, юношеские стремления» [36, с. 47]. Педагогическим музеем Учительского Дома издан сборник статей «О выборе профессии», отметим, что музей собирает и изучает дневники, записи, наблюдения и рисунки детей.

В работе Г. Рокова на основании метода непосредственных наблюдений представлены некоторые черты школьной молодежи от 16 до 19 лет. «Нынешняя молодежь, по сравнению со своими предшественниками, очень много осведомлена о политических событиях. Она читает газеты, интересуется прениями в Государственной думе, здраво рассуждает об очень сложных политических и общественных темах... считаю весьма характерным для данного момента именно это спокойное, уравновешенное отношение молодежи к окружающей жизни» [30, с. 120] Таким образом, поставлена задача гражданского воспитания современной молодежи. Нравственный уровень молодых поколений: эгоизм, притупление нравственного чувства. «Среди таких особенностей на первом плане должно быть отмечено притупление нравственного чувства, вызванное жестокими условиями жизни последних лет. Люди привыкли к жестокости и перестали на нее реагировать. К самому страшному явлению насильственной смерти, к казни они относятся вполне хладнокровно» [30, с. 133]. В качестве основных проблем автор выдвигает отсутствие идеалов и искренних верований, оценку школы и ее влияния, путешествия и спорт. На основании исследования дается обобщающий портрет современного юноши. «Характеристика такого огромного, изменчивого, колеблющегося и загадочного целого, как молодежь, — дело трудное» [30, с. 143]. «... подрастающие поколения составляют потенциальную общественную энергию, действие которой должно проявиться в недалеком будущем...» [30, с. 148].

Молодежь как социальная группа представлена в анализе Л. Клейнборта: «Чтобы понять эволюцию молодежи от того, чем она была в 90-е годы, к тому, что она представляет теперь, надо определить как общее положение ее в обществе, так и отношение ее к той общественной группе, составной частью которой она является — интеллигенции» [19, с. 119].

Десятая особенность состоит в попытке изучения типов сознания, в частности религиозного сознания в детстве. На основании анализа эмпирической информации Н. Рыбников исследовал идеалы 1832 деревенских школьников, давших 902 ответа по разделам: изучение идеалов, определение цвета, конкретные представления, нравственные и религиозные понятия. В изучении идеалов деревенских школьников фиксируется влияние лиц из окружающей среды, общественных деятелей, литературных героев, деятелей из области религии (Дева Мария, Христос, Авраам, Давид, Моисей). Проведено кросс-культурное сравнение религий «На кого хотели бы походить?». Фиксируются конкретные представления у детей, знание понятий: солнце, картина, хлеб и так далее. «Есть основания думать, что развитие религиозного сознания ребенка идет приблизительно по тому же пути, по которому шло это развитие у человечества в целом» [35, с. 69]. Аналогия между развитием ребенка и развитием человеческого рода в этой области особенно заметна: «Религиозные представления дикаря, равно как и детские представления, носят на себе следы антропоморфизма, зачастую имеют грубо-чувственный характер и создаются по аналогии с условиями человеческой жизни. Скудность знания действительности в обоих случаях пополняется свободными вымыслами фантазии, легковерие, неспособность к тщательной проверке того, во что веришь, склонность к анимизму, суеверию и целый ряд других свойств являются присущими переживаниям дикаря и ребенка. Вот почему знакомство с развитием религиозного сознания человеческого рода может дать руководящие указания и на религиозное воспитание подрастающего поколения. Это один из источников, из которого могут быть почерпнуты ценные сведения относительно зарождения религиозных чувств. Другим таким источником является душа самого ребенка. Правда, психология религиозного чувства у ребенка пока разработана очень слабо, что

отчасти объясняется боязнью подвергнуть научному анализу такую интимную область, как религиозная. С другой стороны, религиозный индифферентизм интеллигентных слоев, людей переходного времени, не может не отразиться и на отношении к вопросам религиозного воспитания» [35, с. 69].

На основании исследования религиозных представлений в работе Польшмана ставится цель: выяснить степень общей осведомленности детей в возрасте от 5 до 14 лет, проследить, как развивается с возрастом понимание употребляемых ребенком слов, а также выяснить то отношение, которое существует между внешним, речевым выражением слова и логическим значением, которое связывается с данным словом. Метод двойного систематического опроса заключается «в сравнительном сопоставлении того, что ребенок думает по поводу данного слова, с тем, что он действительно знает о нем и что может быть вскрыто путем систематического опроса о точном содержании и свойствах данного понятия. Предложены 83 слова, относящиеся к различным отраслям, которые могли бы дать представление о какой-нибудь области знания или действительности: конкретные предметы, чувственно воспринимаемые свойства, осязательные ощущения, орудия и инструменты, материалы, естественно-научные понятия, имена родственников, социальные и социально-этнические понятия (семья, государство), религиозные понятия (молитва, грех, Бог, искупление, вера, смерть, небо, воскресение), общие понятия. Ответы фиксировались стенографически, вопросы подразделялись на основные и побочные. Опрошено 126 учеников городских и 12 сельских, отличающихся по полу, возрасту и национальности. Детей спрашивали: «Что такое? Что ты знаешь?» Были сделаны следующие выводы: «ответы не совсем соответствуют действительному религиозному чувству ребенка, а носят на себе печать заученности, взятого напрокат из учебника, бесед на уроках Закона Божия. ... Эти результаты позволяют сомневаться, что путем нашего религиозного воспитания дети могут быть приведены к жизни в духе христианской религии. Их христианство только на словах, которому совсем не соответствует действительное религиозное переживание» [35, с. 87]. С одной стороны, «при сравнении ответов одного и того же ребенка бросается в глаза внутренняя несвязность этих ответов, свидетельствующая, что дети совсем не усвоили, не поняли того, что им сообщили старшие. С другой стороны, этот факт как будто бы говорит, что религиозное обучение не идет в параллель с общим развитием ребенка, а несколько опережает общий ход развития ребенка, сообщая ему понятия, знания, до понимания которых он не дорос» [35, с. 88].

Революция 1917 года социологию детства разделила на два периода: немарксистский и марксистский. Правда, эту грань между двумя периодами приходится отодвинуть, потому что революция не сразу отразилась на содержании научных публикаций. В переломный момент истории России проводятся исследования, в которых изучены 1) социальные корни беспризорности, влияние образа жизни на личностные характеристики детей, практика работы с беспризорными в Советской России, дается анализ данного социального явления исходя из задач марксистского метода воспитания [26]; 2) становление детской субкультуры, изучение детского фольклора и быта (в программе наблюдений — лексика, быт, словари, игры, игрушки) детского юмора, детской сатирической лирики [5; 6]. Следует признать, что подход, предложенный автором, по методическому основанию может использоваться на современном этапе.

Несмотря на информационный вакуум, обусловленный октябрьскими событиями, примечателен тот факт, что в этот период появляется статья П. А. Сорокина, охарактеризовавшего состояние психологии в Америке, где отмечается «появление попыток, синтезирующих достижения behaviorism, пытающихся очертить науку о поведении как целостную и распространить методы behaviorism на ряд других дисциплин, например, на социологию» [49, с. 594].

Рассмотренная проблематика в качестве предмета социологии детства подразделяется на две основные группы: первая характеризует специфические характеристики детства, вторая определяет общесоциологические проблемы: с одной стороны, определение детей как социальной группы, критерии возрастных границ детства, исследование факторов социализации в детстве, потребностей и специфики деятельности ребенка; с другой — социальные проблемы, затрагивающие детей: особенности воспитания и образования, а также эффективность его форм, средств, методов, развитие социальной активности в детстве, влияние института семьи и национальных традиций, виды девиантного поведения в детстве.

В контексте сказанного представляется возможным выделить основания психологического и культурологического подходов в характеристике становления социологии детства.

С точки зрения психологической ориентации в становлении социологии детства в России формулируется системный взгляд на проблему развития личности ребенка; период детства определяется как возрастными границами, так и специфическим социальным статусом, особенностями поведения и сознания. В этой связи выделяются основания для дифференциации воспитательной работы, комплексного развития ребенка, включая особенности социальных слоев. Согласно культурологическому направлению становления социологии детства в России, мир детства определяется в соотношении с представлениями, целями и поведенческими мотивами реально действующих индивидов, с особенностями российской национальной культуры; системный анализ проблем детства представлен во взаимосвязи с реальными процессами, происходящими в обществе, включая механизм социального наследования. Особо выделим проблемы специфической детской субкультуры: мировоззренческую ориентацию в детской среде; различия поведения и организации детской жизни; подкультуру детского преступного слоя; типологию детского сознания — политического, экономического, нравственного.

Следует отметить, что культурологическое и психологическое направления являются преобладающими в рассматриваемый период для характеристики социологии детства.

Безусловно, далеко не все аспекты обозначенного в заглавии предмета оказались рассмотренными. Удалось не только сформулировать концептуальные основания в характеристике исторического материала, но и обозначить перспективы изучения социологии детства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блонский П. Педагогика прогресса и человечности // Вестник воспитания. 1914. № 9. С. 1-30.
2. Боголепов С. Г. Воспитание, как главный фактор прогресса в усовершенствовании культурной жизни человека. М.: Губернская типография, 1910. 41 с.
3. Воронов В. Война в рисунках детей // Вестник воспитания. 1915. № 2. С. 33-79.
4. Воронов В. О литературном творчестве детей // Вестник воспитания. 1913. № 4. С. 74-105.
5. Виноградов Г. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск: Первая Гостино-литография. 1925. 83 с.
6. Виноградов Г. Детская сатирическая лирика. Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского Отд. Русского географического общества, 1925. 44 с.
7. Вырубов Г. Н. Школьные воспоминания // Вестник Европы. 1910. № 1: Александровский лицей. С. 26-56; № 2: Московский университет. С. 13-26.
8. Гернет М. И. Детоубийство. Социологическое и сравнительное юридическое исследование. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 318 с.
9. Дети — преступники: Сб. статей / Предис. и под ред. М. Н. Гернета. М.: Книгоизд. «В. И. Знаменский и К°». М., 1912. 550 с.

10. Дети — работники будущего. М.: Тип.-лит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1908.
11. Езерский Ф. В. (Федор Озерский) Меры к уменьшению пожаров, к оздоровлению деревень, к сокращению смертности детей, к развитию нравственности и религиозности в народе. М.: Тов-во типо-лит. Н. М. Машистова, 1904. 80 с.
12. Зак А. Кинематограф и детская преступность // Журнал уголовного права и процесса. 1913. № 4.
13. Зак Л. И. Типы детской беспризорности, преступности и проституции // Вестник воспитания. 1914. № 7. С. 70-101; № 8. С. 81-110.
14. Зак А. Кинематограф. Книга и дети // Вестник Европы. 1914. № 9. С. 276-295.
15. Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках // Вестник воспитания. 1908. № 2. С. 112-162.
16. Исаев А. А. Забастовки учащихся. СПб.: Тип. Шредера, 1912. 32 с.
17. Ильин Н. О воспитании общественности в школе. М.: Тип. Моск. гор. Арнольдо-Третьяковского уч. глухонемых. 1916. 92 с.
18. Иеромонах Михаил. Обиженные дети (из публичных лекций). Казань: Типо-литография императорского университета, 1902. 73 с.
19. Клейнборт Л. Современная молодежь // Современная молодежь. 1914. № 9: Прежде и теперь. С. 118-141; № 10: Русская курсистка. С. 17-40.
20. Ковалевский М. М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. 312 с.
21. Коллонтай А. Крест материнства (по материалам статистики) // Современный мир. 1914. № 11. С. 42-54.
22. Корнилов К. К психологии детской игры в куклы // Вестник воспитания. 1916. № 2. С. 106-130.
23. Куркин П. И. Московская рабочая молодежь. Физическое развитие, здоровье, условия труда и быта. М.: Вопросы труда, 1924. 48 с.
24. Лазурский Л. Ф. Программа исследования личности в ее отношении к среде // Русская школа. 1912. № 1. С. 1-24; № 2. С. 1-17.
25. Лахтин М. Исследование семьи и рода и их роль в борьбе с вырождением // Вестник воспитания. 1909. № 3. С. 73-91.
26. Маро (М. И. Левитина) Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М.: Новая Москва. 1925. 454 с.
27. Некрасов П. А. К обществу, родителям и педагогам. Основы общественных и естественных наук в средней школе. СПб.: Тип. А. Суворина, 1906. 53 с.
28. Радин Е. П. Охрана здоровья детей и подростков и социальная евгеника. Орел, 1923. 58 с.
29. Радин Е. П. Душевное настроение современной учащейся молодежи, по данным Петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. Психологическая и социологическая самооценка. Разочарованность. СПб.: Изд. Н. П. Карбасникова, 1913. 118 с.
30. Роков Г. Некоторые черты современной школьной молодежи // Вестник воспитания. 1911. № 7. С. 112-148.
31. Рубинштейн М. М. Кризис семьи как органа воспитания // Вопросы воспитания. 1915. № 3. С. 33-81.
32. Рубинштейн М. М. Детские игры и их социально-жизненное значение // Вестник воспитания. 1912. № 8. С. 90-108.
33. Рубинштейн М. М. Война и дети // Вестник воспитания. 1915. № 2. С. 1-32.
34. Румянцев Н. Е. Лаборатория экспериментальной педагогической психологии. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1907. 47 с.
35. Рыбников Н. Деревенский школьник и его идеалы. Очерки по психологии школьного возраста. М.: Мысль «Задруга», 1916. 122 с.
36. Рыбников Н. А. Идеалы гимназисток. Очерк по психологии юности. М.: Изд.-во практ. знания Л. А. Слонимского, 1916. 50 с.
37. Сивков К. Идеалы городских школьников (по данным анкеты) // Вестник воспитания. 1911. № 4. С. 92-108.
38. Сивков К. Идеалы учащейся молодежи (по данным анкеты) // Вестник воспитания. 1909. № 2. С. 117-158.

39. Седов Л. Социологические основы науки о воспитании // Вестник воспитания. 1901. № 4. С. 80-101.
40. Сивков К. Анкета о преподавании истории в средней школе. М.: Тип.-лит. И. Н. Кушнерев и К°. 1913. 73 с.
41. Седов Л. Личность и общество в их взаимных отношениях в 19 веке // Вестник воспитания. 1901. № 8. С. 17-43.
42. Седов Л. Социальные воззрения детей как выражение общественной среды // Вестник воспитания. 1900. № 5. С. 128-152.
43. Седов Л. Социальные основы и задачи нравственности // Вестник воспитания. 1905, № 6. С. 16-63.
44. Седов Л. Юноша: педагогика и психология его возраста // Вестник воспитания. 1910. № 8. С. 72-105; № 9. С. 34-61.
45. Сикорский И. А. Душа ребенка с кратким описанием души животных и души взрослого человека. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1909. 159 с.
46. Синицкий Л. Социология в ее применении к педагогике // Вестник воспитания. 1912, № 8. С. 1-29.
47. Синицкий Л. Из истории воспитания в 19 веке в социологическом освещении П. Барта // Вестник воспитания. 1912. № 3. С. 62-120.
48. Соловьев И. М. Биографический метод в изучении детского рисунка // Вестник воспитания. 1913. № 1. С. 175-187.
49. Сорокин П. А. Состояние психологии в Америке за последние годы 1914-1918 // Вопросы изучения и воспитания личности. 1922. № 4-5. С. 592-599.
50. Смирнов А. Современные идеалы воспитания // Павославный собеседник. 1896. июль-авг. С. 472-491.
51. Смирнов С. Ученические журналы и сборники // Вестник воспитания. 1901. № 8. С. 44-85.
52. Фриденберг В. Совместное воспитание в семье // Вестник воспитания. 1913. № 4. С. 189-195.

Вера Владимировна ГАВРИЛЮК –
 заведующая кафедрой социологии
 и социального управления
 Международного института финансов,
 управления и бизнеса,
 доктор социологических наук, профессор

УДК 316. 728

НАРКОМАНИЯ И НАРКОТИКИ В ЖИЗНИ ТЮМЕНСКИХ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ

АННОТАЦИЯ. В статье обобщены материалы прикладного исследования проблем наркомании среди школьников и студентов г. Тюмени, проведенного в 2000 г. Анализируются мотивы и степень распространенности этого явления в современной молодежной среде.

This article is a survey of the applied research carried out in 2000 among Tyumen schoolchildren and students to study the problem of drug addiction. The analysis of drug-taking motives and drug-spread degree among Tyumen young people is offered.

Наркомания — одна из наиболее острых социальных болезней двадцатого века. Глобальный характер этого явления представляет собой угрозу безопасности всему человечеству. Статистика и многочисленные исследования показывают, что волна потребления наркотиков возрастает с каждым годом.